

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ МНОЖЕСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В ПОПУЛЯРНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Разова Александра Игоревна

студент, Частное образовательное учреждение высшего образования "ЮЖНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ" Институт Управления, Бизнеса и Права), РФ, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Диссоциативное (множественное) расстройство идентичности (DID) – диагноз, вошедший во множество сюжетов американской популярной литературы с середины XX в.

Ключевые слова: Билли Миллиган, диссоциация, психиатрия.

Под диссоциативным расстройством личности понимается объединение нарушений психики, а именно, моментная потеря памяти, нарушение идентичности личности, из этого следует, что Я разделяется на несколько эго-состояний. У больного складывается впечатление, что в нем существует несколько субличностей: разного возраста, пола, национальности и характера. Между личностями периодически происходит «замещение», т.е. разные личности попеременно завладевают сознанием. Упомянутое расстройство-механизм психологической защиты, при котором человек начинает воспринимать происходящее с ним так, как будто это происходит с кем-то посторонним. Это позволяет заслониться от непереносимых эмоций.

Диссоциативное расстройство идентичности становится центром сюжетов преимущественно в американской литературе.

История умножения

Первой американской историей о расщеплении личности принято считать рассказ Э. А. По «Уильям Уилсон», 1839. Двойник, второй Уильям Уилсон, представлен в этом тексте, с одной стороны, как реальный персонаж, чье появление подтверждено свидетелями, с другой – как порождение большой совести протагониста, с третьей – как аллегория саморефлексии и самодеструкции. Обычно двойник героя в подобных историях представлял собой его «тёмную» половину, доводил героя до безумия и сам являлся воплощением безумия героя. В своём рассказе По переосмыслил этот сюжет: двойник протагониста, напротив, мешает ему делать зло. В имени и фамилии парных героев – William Wilson – дважды повторяется слово will (воля), а фамилия распадается на will и son – «сын воли». Героев с таким именем два, и они противостоят друг другу, и их имя подчёркивает, что рассказчик противостоит самому себе.

Весьма необычно традицию По воспринял американец Генри Джеймс спустя семьдесят лет после «Уильяма Уилсона». Джеймс исследовал «сумеречное сознание», пограничное состояние психики в «Веселом уголке» (*The Jolly Corner*, 1908), одном из самых популярных «международных» рассказов о возвращении в Америку после долгого пребывания в Европе, о проверке на идентичность, о «доверии к себе» американца, ставшего «новым европейцем». Джеймс не просто «вынес» образ alter ego Спенсера Брайдона за пределы его личности, а дал этой «внешней» части как пространственную, так и межсобытийную самостоятельность: жизнь двойника Брайдона протекала не только на другом континенте, но и в другом временном измерении [3].

Примерно в то же время, в первое десятилетие XX в., в Америке вышел самый знаменитый труд, посвященный множественной идентичности: «Диссоциация личности» (*Dissociation of a Personality*, 1906), написанный неврологом и психиатром Мортон Принсом и ставший итогом его многолетней, длившейся около двадцати лет, работы с пациенткой Кларой Нортон Фаулер, которая выведена под псевдонимом мисс Кристина Бешам. Объемное, детальное, красочное и убедительное изложение данного клинического случая захватывает гораздо сильнее, чем любые художественные фантазии на эту тему. Разные личности и состояния мисс Бешам могли бы послужить основой бестселлера и блокбастера. В самом деле, сознание этой пациентки породило не только четыре радикально отличных друг от друга «я», но и наделило каждого из внутренних «персонажей» своим возрастом, эмоциональностью и когнитивными способностями. Более того, каждая из личностей обладает собственным почерком, каждая не только сохраняет некий индивидуальный эмоциональный стержень, но и меняет психические состояния вплоть до галлюцинаций, не видимых другими личностями. Эти достаточно самостоятельные проекции «Я» также оказались способны раздваиваться при определенных обстоятельствах.

При диссоциативном расстройстве целостность исходного подлинного «Я» нарушается, ему закрывается доступ к части воспоминаний, ощущений, знаний и умений, поведенческих реакций. Оставшаяся часть сознания восстанавливает себя до целого, создавая новую личность, способную к самостоятельной деятельности. Мортон Принс выделяет несколько уровней дезинтеграции сознания. В своей простейшей форме вторичные личности могут проявляться через бессознательные состояния, например, такие как автоматическое письмо. Более развитые формы вторичных личностей идентичны состоянию транса. В этих случаях альтер-личность не существует полноценно, а выходит из своей «раковины» лишь при особых условиях, когда пациент погружается в «транс». Таким образом, в подобных случаях независимая жизнь вторичных личностей строго ограничена рамками сеанса. Такие личности не способны жить своей жизнью в «большом мире». И наконец, самые сложные и развитые формы расщепления наблюдаются в тех случаях, когда вторичные личности обладают более сложной организацией ментальных структур, которая позволяет им действовать абсолютно независимо от ядерной личности, приближаясь к тому, что можно было бы назвать «нормальной жизнью».

Блистательно описанная Принсом коммуникация (устная и письменная, успешная и несостоятельная) между разными идентичностями, их избирательные и сугубо индивидуальные провалы памяти, стратегии обмана, согласие или отказ общаться друг с другом – вся эта совокупность фантастических феноменов, явленных единым сознанием мисс Бешам, способна посрамить профессиональных литераторов и сценаристов.

Вслед за выходом в свет труда Мортон Принса и, возможно, под его влиянием, появилась статья его однофамильца, также психиатра и парапсихолога Уолтера Франклина Принса «Дорис: Случай множественной личности»⁴. Психика пациентки, представленной читателям как Дорис Фишер, «прибегла» к раздвоению, т.е. бегству от себя, а в дальнейшем и к умножению идентичностей вследствие эпизода насилия: ее намеренно сбил с ног отец, когда девочке было три года. В качестве защитной реакции сначала проявилась личность, названная

«Спящая Маргарет», затем объявился отдельный персонаж – «Маргарет». Процесс психотерапии выявил еще две личности: «Больную Дорис», и наконец, «Спящую подлинную Дорис».

Всего два года спустя Роберт Блох опубликовал первый роман о Нормане Бэйтсе «Психопат» (*Psycho*, 1959), в котором раздвоение личности психопата-убийцы вызвано совершенным в детстве преступлением: он убил свою мать, которая сначала с садистским упорством убеждала сына в греховности секса, а затем завела любовника. Alter ego Бэйтса замещает фигуру матери, которой и делегируется право очищать мир от греха. Принимая облик матери, Бэйтс совершает убийства. Так формула двойничества впервые оказалась спаяна с сюжетом о сексуально-окрашенном насилии над ребенком, будущим маньяком [7].

Естественно, успех одноименной гениальной экранизации (*Psycho*, 1960) осуществленной Альфредом Хичкоком, окончательно убедил читателей и кинозрителей в исключительной

занимательности раздвоенных персонажей. Но вскоре деление персонажа всего лишь «на два» (или «на три») многим писателям показалось недостаточным. И несмотря на то, что допфельгангеры по-прежнему появляются в литературе и кино – достаточно упомянуть трагикомического «Американского психопата» (*American Psycho*, 1991) Брета Истона Эллиса, детективный роман Мэри Хиггинс Кларк «Прогулка по городу» (*All Around*). Двадцать лет спустя уже упомянутый нами роман «Красный дракон» Томаса Харриса окончательно закрепил следующую сюжетную причинно- следственную схему: жертва насилия, пережитого в детстве, почти наверняка станет серийным убийцей. Раздвоение личности кровавого маньяка Фрэнсиса Долархайда, прозванного «Зубной феей», на ничем не примечательного служащего фотомастерской и Красного дракона, сошедшего с акварели У. Блейка, объясняется именно тем, что тот постоянно подвергался сексуальному насилию сначала со стороны бабушки, а потом со стороны приемных родителей. (*the Town*, 1992) и «Бойцовский клуб» (*Fight Club*, 1996) Чака Паланика, жесткую и остроумную книгу о бегстве от себя в фантазию о другом, о бесплодной попытке обрести самость через насилие – художники все больше тяготеют к «многоличностным» сюжетам.

Книга Сивиллы

Первый пик популярности жанра «роман расщепления» пришелся на 1973 год, когда была опубликована книга «Сибил» или «Сивилла» (*Sybil, The True Story of a Woman Possessed by Sixteen Separate Personalities*) журналистки Флоры Шрайбер, написанная по свидетельствам нью-йоркского психиатра Корнелии Уилбур⁸. В книге рассказывается о девушке с шестнадцатью субличностями обоего пола и разного возраста. Начало реальной истории относится к 1954 г., когда на приём к психиатру Корнелии Уилбур направляют беспокойную студентку Колумбийского Университета Сибиллу Дорсетт. Коллега Уилбур – Атчесон считает, что девушка страдает от приступов истерии. По мере того, как доктор Уилбур общается с Сибиллой, молодая девушка рассказывает доктору, что очень часто она отключается и не может вспомнить большие промежутки времени. В процессе работы доктора Уилбур выясняется, что в Сибилле 16 личностей, различных по возрасту и личным качествам. Главной среди них является Вики, «француженка», которая объясняет доктору Уилбур, что она является проводником, объединяющим все части Сибилл. Доктор помогает ей вспомнить детство, в котором она страдала от физического, эмоционального и сексуального насилия со стороны своей гиперрелигиозной шизофреничной матери Кэти. Во время поездки к отцу Сибиллы выясняется, что тот прекрасно знает, что мать издевалась над девочкой, но ничего не хотел предпринимать. Несмотря на то, что доктор Уилбур обещала никогда не гипнотизировать Сибил, она увозит её в свой дом на берегу озера и проводит с ней сеанс гипноза, во время которого ей удаётся убедить Сибилл в том, что все 16 личностей есть не кто иные, как она сама. Той же ночью Сибилл признаётся в том, что стала чувствовать себя гораздо лучше, и что теперь она испытывает лишь ненависть к своей матери.

Боль и преступления Билли Миллигана

В 1981 г. вышел роман-расследование «Множественные умы Билли Миллигана» (*The Minds of Billy Milligan*), освещающий жизнь человека, который впервые в истории США был признан невменяемым в связи с диагнозом «расстройство множественной личности» и, следовательно, невиновным в совершении тяжких преступлений сексуального характера. Описание поразительной истории Уильяма Стэнли Миллигана принадлежит перу Дэниела Киза, известного фантаста, чей роман «Цветы для Элджернона» (*Flowers for Algernon*, 1966) был удостоен премии «Небьюла».

Совершенно закономерно, что Киз, начинавший свое литературное творчество как фантаст, не прошел мимо реальной криминально-психиатрической истории, более фантастической, чем самые смелые выдумки писателей. Его бэкграунд студента-медика, несомненно, помог справиться с нетривиальной художественной задачей: показать невероятный многофигурный мир сознания, замещающего и искажающего реальность.

Во время описанных в книге событий Киз проживал в том же городе, где находилась психиатрическая больница, в которую поместили Билли, а также дружил с его лечащим врачом, доктором Колом. Последний пригласил Киза встретиться с Билли, чтобы обсудить возможность написать его биографию. В итоге Билли решил довериться писателю. В основу

романа легли многочисленные беседы с Миллиганом, записанные Кизом в течение 1979 г.

Художественная задача романа-биографии заключалась в объективистском описании того, почему и каким образом психотическое сознание отрицает невыносимую реальность и замещает ее внутренней вселенной. Тайна Билли на наших глазах подвергается деконструкции. Процесс расшифровки и интерпретации, в сущности, и есть стержень сюжета. Киз придумал замысловатую композицию, идеально соответствующую как сверхсложности диагноза, так и трудности художественной задачи: убедительно доказать верность поставленного диагноза и, следовательно, вызвать сочувствие к герою [15].

Роман начинается с сообщения о серии преступлений, совершенных в 1977 г. в городе Коламбус, штат Огайо: в течение двух недель.

После «Множественных умов» Киз еще долгое время продолжал общаться с Миллиганом и собирал материал для сиквела «Войны Миллигана» (*The Milligan Wars*). Этот роман был опубликован в Японии, Тайване и Франции, однако в США не издавался. В нем описаны события из жизни Билли в течение последующих десяти лет после выхода первой книги: шесть переводов из одной больницы в другую, неудачный брак, побег в 1986 г. из психиатрической больницы штата Огайо и арест спустя четыре с половиной месяца сотрудниками ФБР. Все это время Билли не прекращал борьбу с негуманной системой охраны психического здоровья, с системой психиатрических клиник. (См. *Frequently Asked Questions and Up-dates*. Online at: <http://www.danielkeyesauthor.com/faq.html>). В 1991 г. его, наконец, признали «целостным», психически здоровым и выпустили на свободу. (См. напр., газетную заметку об очередной поимке Миллигана: “Escaped Fugitive Caught.” Online at http://articles.chicagotribune.com/1986-11-22/news/8603270881_1_ohio-psy-chiatric-hospital-billy-milligan-fbi-agents”). Однако позже Билли заявил в одном из интервью, что его личности не находятся в состоянии «перманентного слияния». (См.: “A Statement from Billy Milligan.” Online at <http://www.astraeasweb.net/plural/milligan.html>). В 2009 г. вышел роман Киза «Пророчества психиатрической лечебницы» (*The Asylum Prophecies*) о женщине с множественной личностью, которую держат в плену, и чье разделенное подсознание хранит информацию о предстоящем террористическом акте в США.

Три женщины были похищены с территории университетского городка, ограблены и изнасилованы. Потерпевшие дали противоречивые показания относительно личности и поведения преступника.

Мы не будем вдаваться в теории психоза с целью интерпретировать реального Билли – жертву и агрессора. Скажем лишь, что в эпизодах нападений Билли предстает как личность, не осознающая сложнейшей природы сексуальных отношений, не способная справиться с эросом без танатоса. Его болезнь – это отрицание пережитого в детстве, продолжавшегося многие годы сексуального насилия, это утешение и вместе с тем стратегия выживания. Следовательно, попытки медиков «вытащить» пациента из спасительного мрака на беспощадно яркий свет, в некотором смысле можно квалифицировать как немилосердные.

В начале повествования может показаться, что Киз создал типичный полицейский детектив, в котором, как водится, описан процесс сбора улик, допросы свидетелей, составление фоторобота и пр. Однако авторское предисловие еще раньше дезавуировало личность преступника. Читатель может предположить, что поскольку преступник известен, рассказ будет вестись о сложном процессе его поимки. Однако уже в первой главе полицейские приходят в дом Билли и застают его за рисованием. Преступник никак не может понять, в чем его обвиняют.

Далее на сцену выходят назначенные судом адвокаты Билли – Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон, оказавшиеся совестливыми людьми и крепкими профессионалами. От их внимания не ускользает странное поведение подзащитного. И хотя все улики говорят против Билли, а его положение выглядит безнадежным, адвокаты цепляются за единственную возможность уберечь его от тюрьмы и просят разрешения на то, чтобы Билли был освидетельствован психологом. Лишь в процессе психиатрической экспертизы выясняется, что Билли страдает расстройством множественной личности. Тогда в романе впервые отчетливо звучат голоса разных субличностей героя, которые по очереди «выходят» на сцену,

чтобы познакомиться с психологом, представляются и рассказывают о себе. Так обнаруживается, что в Билли живет десяток «людей» (персонажей). То, как их квалифицирует читатель, зависит от его точки зрения на текст, на факты, предоставленные нам Кизом, и на сам диагноз.

Тема «психическая болезнь как нравственный парадокс» делает роман Киза, в частности, и «роман расщепления», в целом, захватывающим чтением. Этот жанр по-новому ставит вопрос о целостности сознания. Разве нам не интересно, как именно сознание собирает в единое целое осколки, отражающие внешний мир и создающие мир внутренний? Что происходит, когда отсутствует сильный центр, когда центробежная сила побеждает центостремительную?

В книге Киза показано, как субличности выполняют свои задачи. Мы узнаем, что они отличаются разными способностями и навыками, у каждой свой характер. Есть у них и некая иерархия, т.е. среди них выделяются две главные. Первая – Артур, берущий на себя ответственность в более или менее безопасных ситуациях, когда требуется холодный расчет. Второй авторитет – Рейджен, выполняющий функцию защитника. Его вмешательство необходимо в угрожающих ситуациях. Субличности отличаются друг от друга национальностью, мировоззрением, религиозным исповеданием, а также возрастом и физическими параметрами: полом, весом, ростом, телосложением, цветом глаз, и возрастом (в сознании Билли живет несколько детей). Разумеется, эти различия являются субъективными представлениями больного о частях единого распавшегося целого. Подлинный Билли, т.е. ядро личности, вот уже много лет спит, так как субличности не дают ему прийти в сознание, охраняя его. Дело в том, что, приходя в сознание, Билли тотчас пытается покончить жизнь самоубийством.

Из рассказа Артура, одного из «альтер-эго» Билли, читатель узнает, что перед внутренним взором Билли существует некое «пятно», похожее на свет от прожектора, в которое может встать одна из субличностей, чтобы завладеть сознанием. Иногда другие субличности наблюдают за действиями того, кто находится в пятне, но чаще всего они ничего не знают о поступках других. Более того, каждая субличность обладает собственной памятью, не имея доступа к воспоминаниям других. Они могут вести между собой диалоги, либо попеременно завладевая «пятном», либо мысленно – в таких случаях Билли говорит, что «слышит голоса».

Этот конгломерат личностей Артур называет «семьей». Как в настоящей семье, между ними строго распределены обязанности. Так, например, восемнадцатилетний Аллен наделен красноречием, поэтому с окружающими, как правило, общается именно он; восьмилетний Дэвид отличается исключительной эмпатией, он выходит в «пятно» когда кому-то больно, принимая чужую боль на себя; Рейджен воплощает агрессивную сторону Билли, поэтому его называют «хранителем ненависти», его главный талант – умение управлять выбросами адреналина, что позволяет ему демонстрировать нечеловеческую силу; трехлетняя Кристина – единственная, кто может успокоить Рейджена, сдерживая его агрессию; Адалана берет на себя заботы по дому. Их «семейственность» заключается также и в том, что взрослые заботятся о детях, а дети слушаются взрослых. Важные решения принимаются сообща.

Интересно, что личности не подозревали о существовании друг друга до того, как Билли исполнилось четырнадцать лет. Первым, кто догадался, что он не единственный в «семье», был Артур, шаг за шагом отыскивавший всех остальных и установивший между ними связь. Когда с Билли происходило что-то плохое, когда он нарушал закон, начинались так называемые «смутные времена»: личности теряли контакт друг с другом. Именно в один из таких моментов Билли схватила полиция.

В ходе психотерапии выясняется, что помимо известных десяти субличностей в Билли живут еще тринадцать – их Артур характеризует как «нежелательные». Он запрещает им выходить в «пятно света» и завладевать сознанием. Но в моменты сильных эмоциональных потрясений, когда психическое состояние Билли становится особенно неустойчивым, подавленные Артуром «личности» нарушают запрет.

В конце концов проявляется еще одна, двадцать четвертая личность Билли и представляется Учителем. Он – комбинация всех двадцати трех «я». Это и есть «целостный»,

интегрированный Билли. Учитель обладает полной памятью всех субличностей, начиная с раннего детства. Как только читатель знакомится с Учителем, время в повествовании останавливается. Мы переносимся в прошлое Билли. Исповедь Учителя делает доступной всю историю Билли и его субличностей, начиная с далекого прошлого, когда ребенок регулярно подвергался сексуальному насилию со стороны отчима. Как видим, причинно-следственная связь, характерная для «романа расщепления», и в данном случае наличествует.

С появлением Учителя у нас наконец-то появляется ответ на вопрос, где именно и как сосуществуют все эти «субличности». Киз изображает некое инопространство, в котором плохо ориентируются даже сами «альтеры»: они часто не могут найти друг друга «в темноте», исчезают на время, прячутся. В этом инопространстве они играют друг с другом, общаются или занимаются своими делами. Так, например, Артур каким-то образом умудряется серьезно изучать биологию.

Игра со временем, и сложная композиция позволяют читателю проделать путь от фактов к осмыслению содержания болезни Билли и далее – к состраданию. Безусловно, работая над этим романом, Киз находился под сильным влиянием, в частности «Сибил». Писатель этого не скрывает. Так, например, в романе о Билли психолог просит адвоката прочитать книгу Шрайбер, чтобы понять, с какого рода проблемой они столкнулись. Более того, в романе появляется ни кто иная как Корнелия Уилбур, психиатр Сибил. Несомненно, Киз внимательно прочитал и другой прецедентный текст – «Диссоциацию личности» Мортон Принса.

Подобно «Сибил», роман Киза начинается с предисловия, где автор рассказывает, какими именно материалами он воспользовался, каковы были его отношения с главным героем биографии. Оба автора настойчиво убеждают читателя в том, что все рассказанное – чистая правда. В обоих произведениях за предисловием следует раздел, содержащий краткое описание и характеристику всех личностей протагониста. В «досье» указаны имена, возраст, физические данные личностей, описывается их внешность, хобби, черты характера, приводятся наиболее значимые в их жизни события. Надо заметить, что композиция романа Киза не настолько сложна и раздроблена, как в романе Флоры Шрайбер, где использован прием «двойного флэшбека» – Past и Past Perfect. Художественная задача Киза также отличалась от той, что решалась в «Сибил», где акцент в основном сделан на методах исследования человеческой души с помощью психоанализа.

Один из главных вопросов, так или иначе присутствующих в любом «романе расщепления» – действительно ли герой страдает от психического недуга и не является ли он притворщиком, гениальным лицедеем. Выступая от лица разных персонажей, населяющих сознание Билли, Киз подчеркивает, что личности – это не «маски», не «фантомы» и не галлюцинации, а «люди», не менее реальные, чем сам Билли:

«Доктор Кол, это люди, а не “личности”. [...] если вы будете называть нас “личностями”, у нас сложится впечатление, что вы отрицаете факт нашей реальности. А это усложнит терапию» [2].

Любопытно, что и сам Билли иногда сомневается в поставленном ему диагнозе: «К тому моменту Билли уже поверил на слово в то, что говорили ему другие, – что он множественная личность, хотя внутри себя не находил никаких этому подтверждений» [2]. Не менее поразительно и то, что, когда одни субличности требуют, чтобы их считали «людьми», другие признают собственную галлюцинаторную природу: «Я [...] плод воображения. [...] У меня проблем нет. Я сам есть проблема» [2].

Порой Билли склоняется к тому, чтобы объяснить свое состояние вмешательством таинственных сил: «[...] Все это время за разделенными частями стояла безымянная сущность – некто, кого Рейджен назвал Учителем. То есть получается, что это невидимое, состоящее из различных фрагментов, похожее на духа нечто по имени Учитель и создало всех остальных, как детей, так и чудовищ, – и, следовательно, оно одно несло ответственность за совершенные ими преступления». Такое сопоставление точек зрения позволило Кизу объективировать фантастический случай Билли Миллигана. Мнение читателя о достоверности или умозрительности клинической истории складывается из суммы предъявленных ему доказательств, тем более что роман изобилует документальными вставками. Газетные статьи,

отчеты, письма, протоколы дают основание трактовать текст как эхо «нового журнализма».

Разумеется, книга Киза может интерпретироваться как научная фантастика, если принять во внимание весьма спорный диагноз DID. Ее можно воспринимать и как пособие по медицинской этике. Но разве в этом назначение литературы?

Этот пример, как и предыдущие, демонстрирует, что «роман расщепления» прекрасно выполняет две задачи – развлекать и привлекать внимание к теме. Яркая образность, свойственная дискурсу расщепления, т.е. «нарезка» характера на отдельные пласты (субличности), будучи многократно повторенной, быстро исчерпывает смыслы несмотря на то, что комбинаторика, казалось бы, допускает большую вариативность. Многомерность, метафорически понимаемая как разорванность сознания, которую «высоколобая литература» (highbrow literature) преподносит в образе сложного, мятущегося, противоречивого персонажа, в массовой литературе изображается либо как одержимость сверхъестественными сущностями – так происходит в жанре готического триллера, например, в «Экзорцисте» (*The Exorcist*, 1971) Уильяма Блэтти; либо объясняется специфическим расстройством высшей нервной деятельности, болезнью – к такой трактовке располагает «роман расщепления». В последнем случае природная сложность и глубина единого характера замещаются ловко формализованным конгломератом эго-состояний, набором деталей конструктора.

Список литературы:

1. Головачева И.В. Битва alter ego: от По до Генри Джеймса // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / ред. С. Фокина и А. Ураковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 176–188.
2. Киз Д. Таинственная история Билли Миллигана. М.: Издательство «Э», 2015.
3. Acocella, J. *Creating Hysteria: Women and Multiple Personality Disorder*. New York: Jossey-Bass, 1999.
4. Borch-Jacobsen, M. *Making Minds and Madness: From Hysteria to Depression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
5. Brand, B., Sar, V., Stavropoulos, P., et. al. "Separating Fact from Fiction: An Empirical Examination of Six Myths About Dissociative Identity Disorder." *Harvard Review of Psychiatry* 24:4 (July 2016): 257–270.
6. Dee, R. *Fractured: Nine Lives to Escape My Own Abuse*. London: Hodder & Stoughton, 2009. "Escaped Fugitive Caught." Online at http://articles.chicagotribune.com/1986-11-22/news/8603270881_1_ohio-psychiatric-hospital-billy-milligan-fbi-agents
7. Gregory, J. *Sickened: The Memoir of a Munchausen by Proxy Childhood*. New York: Bantam Dell, 2003.
8. Hawkins, A. *Reconstructing Illness: Studies in Pathography*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1996.
9. Jacobson, B., Spiegel, H. "Sybil – the Making of a Disease: An Interview with Dr Herbert Spiegel." *New York Review* 44:7 (April 1997): 60–64.
10. Jamieson, A. *Today I'm Alice: Nine Personalities, One Tortured Mind*. London: Sidgwick & Jackson, 2009.
11. Jamison, K.R. *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness*. New York: Vintage, 1993. McHugh, P. "Hysteria in Four Acts." *Commentary* (1 Dec. 2008). Online at <https://www.commentarymagazine.com/articles/hysteria-in-four-acts/>.

12. Keyes, D. "Frequently Asked Questions and Updates." Online at: <http://www.danielkeyesauthor.com/faq.html> Milligan, W. "A Statement from Billy Milligan." Online at <http://www.astraeasweb.net/plural/milligan.html>
13. Nathan, D. *Sybil Exposed: The Extraordinary Story Behind the Famous Multiple Personality Case*. New York: Simon and Schuster, 2012.
14. Oxnam, R.B. *A Fractured Mind: My Life with Multiple Personality Disorder*. New York: Hyperion, 2005.
15. Prince, M. *The Dissociation of a Personality: a Biographical Study in Abnormal Psychology*. New York, etc.: Longmans, Green, and Company, 1905.
16. Prince, W.F. "The Doris Case of Quintuple Personality." *Journal of Abnormal Psychology* 11 (1916): 73-122.
17. Schreiber, F. *Sybil: The True Story of a Woman Possessed By 16 Separate Personalities*. Chicago: Henry Regnery Company, 1973.
18. Shwarz, H. *Beware of the Other Side(s): Multiple Personality Disorder and Dissociative Identity Disorder in American Fiction*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013.
19. Thigpen, C., Cleckley H. *The Three Faces of Eve*. New York: McGraw-Hill, 1957. 18. West, C. *First Person Plural: My Life As a Multiple*. New York: Hyperion, 1999.